

В. Г. БЕЛИНСКИЙ В АРМЯНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

К. Н. ГРИГОРЯН

(Ленинград)

В 1859 г., когда увидел свет первый том первого полного собрания сочинений В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбов напечатал в «Современнике» восторженную рецензию, в которой писал: «Что бы ни случилось с русской литературой, как бы пышно ни развилась она, Белинский всегда будет ее гордостью, ее славой, ее украшением. До сих пор его влияние ясно чувствуется на всем, что только появляется у нас прекрасного и благородного; до сих пор каждый из лучших наших литературных деятелей сознается, что значительной частью своего развития обязан, непосредственно или посредственно, Белинскому...»¹.

Гениальный русский критик был также наставником и учителем многих из передовых деятелей литературы и общественной мысли Армении².

Наше представление об армянском литературном движении 30—40-х годов и связях этого движения с русской литературой за последние годы обогатилось благодаря новым исследованиям. Выявленные факты дают основание предположить, что некоторые из армянских студентов могли непосредственно общаться с молодым Белинским. Так, например, в Московском университете учился Сергей Аветович Тигранов, который одновременно с Белинским в 1828 г. поступил на словесное отделение³. В 1832—1835 гг. Тигранов был преподавателем в Лазаревском ин-

¹ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений в шести томах, Гослитиздат, М., 1935, т. II, стр. 470.

² Академик АН Армянской ССР А. Тертерян к столетию со дня смерти Белинского опубликовал монографию на армянском языке «В. Г. Белинский». Издание Ереванского государственного университета, Ереван, 1948, 585 стр. В центре внимания автора стоят важнейшие вопросы изучения литературного наследия русского критика. В гл. XII поставлена в широком идейном плане проблема изучения темы: Белинский в армянской литературе. Из других специальных работ о Белинском следует указать на содержательную статью А. Инджикяна: «Белинский в армянской литературе» (на армянском яз.), в журн. «Советакан граканутюн ев арвест» («Советская литература и искусство»), 1948, № 6, стр. 113—125.

Автор настоящей статьи ставит перед собою цель коснуться лишь некоторых вопросов, связанных с влиянием преимущественно эстетической системы Белинского на развитие армянской литературы и критики.

³ Имя Сергея Тигранова числится в списке своекоштных студентов и слушателей имп. Московского университета словесного отделения 1832 г. См. в приложениях к статье М. Полякова «Студенческие годы Белинского», «Литературное наследство», № 56. В. Г. Белинский, II. М., 1950, стр. 420.

ституте. В начале 30-х годов он написал и опубликовал на армянском языке обширную статью «Об истории и теории драмы», явившуюся обстоятельным вступлением к армянскому изданию трагедии Расина «Го-фолия».

Статья Тигранова была первым армянским театроведческим исследованием, в котором молодой автор (тогда ему было 20—22 года) дал обзор исторического развития драмы с древнейших времен до начала XIX века (Эсхил, Софокл, Эврипид, Аристофан, Шекспир, Лопе де Вега, Корнель, Расин, Мольер, Вольтер, Лессинг, Гете, Шиллер). Тигранов говорит также о развитии русской драматургии, останавливаясь на характеристике Тредиаковского, Ломоносова, Княжнина, Хераскова, Майкова, Сумарокова и завершает свой обзор Озеровым. Сравнивая Озерова с Сумароковым, Тигранов ставит первого значительно выше, подчеркивая патриотический характер его творчества.

На забытое имя Тигранова, как одного из интереснейших деятелей армянского литературного движения 30-х годов, впервые обратил внимание А. Аршаруни в рецензии на книгу Р. Оганнисяна, дополнив ее новыми фактическими сведениями и высказав ряд интересных предположений¹. Р. В. Зарьян дал обстоятельный анализ статьи «Об истории и теории драмы», суммировав все известные сведения об авторе, и пришел к выводу, что Тигранов в своей статье развивал те же идеи, что и молодой Белинский в «Литературных мечтаниях»². Статья Тигранова была написана в 1832 г., а увидела свет через два года, то есть одновременно с первым значительным литературным выступлением Белинского. Таким образом, уже в 30-е годы наметились определенные точки соприкосновения между возрождавшейся армянской литературой и русским литературным движением.

В 1840-е годы и последующие десятилетия развивают свою деятельность крупнейшие армянские учебные заведения на территории России: Лазаревский институт восточных языков в Москве и училище Нерсисян в Тифлисе, в которых растут новые кадры молодой армянской интеллигенции. Эти учебные заведения становятся своеобразными очагами национальной культуры. В эту эпоху важную роль играют и студенты-армяне, воспитанники Московского, Петербургского, Юрьевского (Дерптского) университетов³. Они выполняли роль культурных посредников, пропагандистов передовых идей русской литературы в Армении. Некоторые из них оставили серьезный след в истории армянского просвещения.

Воздействие идей Белинского на процесс развития новой армянской литературы усиливается и становится особенно ощутимым в 50—60-е годы XIX века, когда во главе армянского освободительного движения становится единомышленник и соратник русских революционных демократов М. Налбандян.

¹ А. Аршаруни, Русская литература в оценке армянской общественной мысли, «Дружба народов», 1950, № 4, стр. 203—207. О С. Тигранове см. подробно: А. Аршаруни, «Московский университет и армянская передовая интеллигенция (на армянском яз.)», Армянское государственное издательство (Айпетрат), Ереван, 1955, стр. 30—42.

² Р. Зарьян, Борьба за русскую драматургию в армянском театре (на армянском яз.), Айпетрат, 1955, стр. 57—74.

³ В 1861—1862 гг. только в Московском университете учились (на всех факультетах) 46 армян. См. А. Аршаруни, Студенты-армяне Московского университета в 50—60-е годы XIX века (на армянском яз.), «Известия АН Армянской ССР», общественные науки, 1954, № 9, стр. 51—69.

Еще в молодости Налбандян знакомится с сочинениями Белинского¹, которые помогают ему выработать свои литературно-критические принципы, способствуя формированию его революционного мировоззрения.

В эту эпоху для армянской передовой журналистики особую остроту приобретает вопрос о жанрах литературно-критических статей и рецензий. Она, естественно, должна была обратиться к богатейшему опыту русской литературы, к статьям Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

Щедрин в характеристике русской журналистики 40-х годов, подражая прежде всего выступлениям Белинского, писал: «Тогдашние рецензии были своего рода руководящие статьи, имевшие предметом не столько разбираемую книгу, сколько высказ по ее поводу совершенно самостоятельных мыслей... в них всегда что-нибудь «проводилось»². Блестящими образцами подобного рода литературно-критических выступлений в условиях 60-х годов явились статьи и рецензии Чернышевского и Добролюбова.

Налбандян перенял и развил замечательные традиции, созданные русской революционно-демократической журналистикой. Его обширная рецензия на роман П. Прошяна «Сос и Вартитер»³ — не обычная рецензия и по своей природе близка к тому своеобразному критическому жанру, создателем которого был Белинский. Хотя она и была написана в условиях тюремного режима, в Петропавловской крепости, тем не менее автор использовал все возможности, чтобы высказать свои общественные убеждения, свои идеалы.

В рецензии Налбандяна затрагиваются существенные стороны народного быта, патриархальные нравы старой армянской деревни. В ней читатель находит массу сведений, касающихся истории, экономики, этнографии, естественных наук. Она показывает широкую образованность автора, его богатую эрудицию.

Литературно-эстетические взгляды Налбандяна предопределялись его революционно-демократическим мировоззрением, его материализмом, его горячим сочувствием и любовью к народу, глубоким пониманием его действительных нужд и интересов. Он так же, как и русские революционные демократы, рассматривал явления литературы с точки зрения их значения в общественной борьбе, в деле пробуждения и развития народного самосознания.

Литература, по мысли Налбандяна, должна служить выражением народной жизни, народных идеалов. Она является незаменимым источником для изучения народного быта. «В оригинальной национальной литературе, — пишет Налбандян, — то есть в ее художественных произведениях, отражаются дух, быт и нравы народа и столько тонких и глу-

¹ Л. Манвелян, История армянской литературы (на армянском яз.), изд. 2, Тифлис, 1913, стр. 28.

² Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, т. XIII, Гослитиздат, Л., 1936, стр. 397.

³ Критика «Сос и Вартитер». Народный роман Перча Прошяна, Тифлис, 1860 г. См. в книге: М. Налбандян, Избранные философские и общественно-политические произведения, Госполитиздат, М., 1954, стр. 481—553 (см. далее: М. Налбандян, Избранные произведения).

⁴ Рецензия Налбандяна была предназначена для напечатания в журнале «Юсисапайл» («Северное сияние»), но III-м Отделением была запрещена к опубликованию. Она впервые увидела свет лишь в советское время (1935).

боких явлений, что история для изображения их немощна и нуждается в помощи поэзии»¹.

Исторический взгляд у Налбандяна сочетался с глубоким чувством современности. В анализе литературного явления для него было важно выяснить, какое же оно имеет значение для современности, для насущных задач борьбы передовых сил общества. Не случайно предметом своей критической статьи Налбандян избрал роман Прошяна. Не только потому, что он был опубликован недавно и пользовался большим успехом у читателей, но и потому, что он позволял автору затрагивать целый ряд глубоко волновавших его вопросов.

«Сос и Вартитер» после романа Абовяна «Раны Армении» был вторым значительным произведением новой национальной армянской прозы. Автор, следуя за Абовяном, дал широкую картину народной жизни.

Приступая к анализу «Сос и Вартитер», Налбандян видел свою задачу, как можно судить об этом по содержанию и характеру его статьи, в выяснении вопросов, стоявших в центре внимания и русской революционно-демократической критики. Они сводились к следующим основным моментам: а) степень полноты и глубины жизненной правды, нашедшей отражение в литературном произведении; б) в какой степени важны занимавшие автора факты и явления и в) в какой мере автор проникает в их сущность.

Исходя из этих основных задач, Налбандян приступает к подробному анализу романа Прошяна. Он рассматривает «Сос и Вартитер» не как любовный роман, а как произведение, глубоко отражающее народную жизнь. Трагедия любви является как бы стержневой линией сюжета, связывающим элементом повествования. В центре же внимания автора — народная жизнь в ее различных проявлениях. Пытаясь определить жанр романа «Сос и Вартитер», Налбандян сравнивает его с пейзажем, где художника должны занимать не детали, не частности, а общее, целое. В романе Прошяна он видит описание армянской деревни как единого общественного организма, где «естественно и непринужденно выступает жизнь общества, его духовные силы, его нравственные и общественные понятия»².

Налбандян приветствует обращение автора к национальным преданиям и армянским народным песням. Однако он считает нужным разъяснить, что не следует слепо преклоняться перед всем тем, что по традиции поется и рассказывается в народе. Старинные предания, по мнению критика, заслуживают внимания и следует их «вытащить из-под спуда и вековой пыли» тогда, когда они, выражая «дух всей нации», продолжают жить и развиваться в сознании народа.

Неоспоримыми достоинствами романа Налбандян считал «неприкрашенные, совершенно естественные» картины народного быта, «простые, в то же время великолепные описания природы». Под их непосредственным впечатлением язык Налбандяна приобретает черты поэтической речи, характерные так же для литературно-критических статей Белинского. Подчеркивая естественность повествования, восхищаясь искренностью чувства и красотой живописных картин, Налбандян писал о «превосходном произведении» Прошяна: «Своей простотой оно напоминает те чудесные природные источники, воды которых без помощи человеческих рук, без мраморных фонтанов, без римского водопровода бегут по склонам горы и, встречая на своем пути каждую травку, каж-

¹ М. Налбандян, Избранные произведения, стр. 453.

² Там же, стр. 488.

дый лист, венчают их бриллиантовыми каплями; не замыкаясь ни в какие границы, они текут туда, куда тянет их закон природы, для того чтобы разлить повсюду свежесть, прохладу и плодородие»¹.

Отметив достоинства романа Прошяна, автор статьи не закрывает глаз и на его слабые стороны, его существенные недостатки. Два важных момента усматривает Налбандян в творческом процессе. В первом случае, когда художник непосредственно обращается к волнующим его фактам действительности, добросовестно и с любовью их описывает. В этой части автор романа «Сос и Вартитер» удовлетворял требования критика. По его мнению Прошян безусловно обладает и нужной наблюдательностью, и глубоким знанием описываемых жизненных явлений. Но, кроме этих непосредственных описаний, автору ведь часто приходится обращаться к предметам, к сложным ситуациям, когда писатель должен силою воображения, силою психологической правды создавать, творить так, чтобы читатель верил ему, не сомневался, что все это происходило именно так, а не иначе. В этом отношении многие страницы Прошяна казались Налбандяну наивными, неестественными, неправдоподобными.

Сила и своеобразие статей и рецензий Белинского заключаются в гармоничном сочетании анализа содержания произведения с анализом формы, социальной критики с эстетической. Белинский всегда стремится проникать в лабораторию писателя, раскрыть «тайну его индивидуальности», осветить сложные моменты творческого процесса.

Налбандян также не ограничивается социальной критикой. Суждения его охватывают не только вопросы, касающиеся содержания романа Прошяна, но и его формы. Признавая, что многие из описываемых Прошяном народных характеров «обладают поразительной реальностью», Налбандян в то же время отмечает, что автор иногда ставит главных действующих лиц в ложное положение. Это относится прежде всего к образу Вартитер. Налбандян не считает правдоподобными переживания одиннадцатилетней героини: «Все действия Вартитер, душевные переживания, страсть и любовь, сознательное самопожертвование, разумные суждения, а порой и женское лукавство — все это находится в поразительном противоречии с ее возрастом»². Неестественными представляются Налбандяну и те резкие, внезапные перемены, которые происходят в поведении других лиц. Автор описывает действия героев и ничего не говорит о причинах, побудивших действовать именно так, а не иначе. Так, например, совершенно непонятно читателю, почему Аршавир, который ранее клялся в верности и дружбе Сосу, вдруг становится коварным и вероломным.

Все эти неоправданные психологические моменты в поведении героев романа, очевидно, были вызваны желанием автора осложнить сюжет, внести в произведение больше элементов драматизма. В этой связи Налбандян отмечает некоторую наивность и бедность приемов в описке отдельных характеров. Наиболее сложной творческой задачей в создании романа, отражающего множество различных фактов и явлений действительности, становится проблема композиционной цельности, единства и неразрывности художественных элементов. «...Именно здесь должны быть сведены концы всех нитей романа, — писал Налбандян о завязке, — с большой естественностью соединены, собраны и сосредото-

¹ М. Налбандян, Избранные произведения, стр. 486.

² Там же, стр. 488.

чены, как лучи солнца, проходящие через увеличительное стекло, чтобы сразу все засветилось»¹.

Композиционная нечеткость романа Прошяна вызвана недостаточной целеустремленностью автора. Порою не ощущается его ясно осознанное отношение к описываемым явлениям. В идейном построении «Сос и Вартитер» наиболее слабые стороны, по мнению Налбандяна, вытекают из того, что автор активно не борется с царящими в армянской деревне темнотой и невежеством. Более того, он как бы оправдывает отсталость крестьянской массы. Фатализму, — пишет Налбандян, — отводится широкий простор: «Одинаковый жребий выходит Сосу и Вартитер, которым не было суждено исполнение их желаний. Конечно, можно сказать, что это случайность; мы согласились бы с этим, если бы автор этим жребием не предугадал готовящуюся разразиться над их головами бурю»². Автор этим как бы предопределил трагическую развязку любовной драмы. Налбандян прекрасно понимал, что Прошян, как бытописатель своей страны, желая не изменять жизненной правде, мог показать и картины, где проявилась живучесть и устойчивость таких отсталых явлений, как суеверие, предрассудки. Они были типичными в жизни армянской деревни. Но все дело в том, что автор сам оказался в плену этих предрассудков, когда он, как бы обращаясь к изнывающему в страданиях Сосу, мечтающему о счастье с любимой Вартитер, говорит: «...бедный парень, зря изводишь себя, думай о чем хочешь, но только не об этом, бог создал ее не для тебя... свершится то, чему суждено, предопределение ничем не стереть; даже сто лет тому назад умерший может ожить, все может превратиться в развалины, но книга судеб останется неизменной...»³.

В этих словах нашли отражение широко бытующие в патриархальной армянской деревне веками укоренившиеся в народном сознании вредные предрассудки, вера в судьбу, вера в существование злых духов, в темные силы, которым приписывалась власть над всеми людскими делами. Суеверие и предрассудки «действуют на бедный и наивный народ, — говорит Налбандян, — как гашиш на организм»⁴. Все это затхлое, отжившее, по мнению Налбандяна, тянет общество назад, является серьезным препятствием на пути просвещения. Писатель не должен защищать эти остатки фаталистического мирозерцания отсталой крестьянской массы. Он не должен давать место выражениям, которые «льют воду на тернии и шипы темных времен, выросшие на почве невежества»⁵.

Для Налбандяна литература — очаг культуры, источник света и знаний. Ее высшее назначение — служение народному идеалу. Вслед за русскими революционными демократами Налбандян подчеркивал активную функцию литературы, ее общественно-воспитательное значение. Она призвана воспитать народ в духе непримиримости к своему угнетенному состоянию, пробуждая в нем, по выражению Добролюбова, «сознание своего человеческого права на жизнь и счастье»⁶. Она должна вызвать к жизни те неисчерпаемые великие творческие силы, которые таятся в народе. Она должна помочь народу сбросить с себя груз сред-

¹ М. Налбандян, Избранные произведения, стр. 500.

² Там же, стр. 495.

³ Там же, стр. 495—496.

⁴ Там же, стр. 528.

⁵ Там же, стр. 496.

⁶ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочин., Госполитиздат, Л., т. II, стр. 405.

невекового мрака, «ржавчину» веков. Писатель обязан распространять в обществе здоровые и правильные понятия, передовые идеи, объявляя беспощадную борьбу отсталости, невежеству, суевериям, религиозным предрассудкам. «Объяснять чудесное законами природы,— писал Налбандян,— рассеивать средневековый туман, открывать народу глаза, внушить ему больше веры в себя, в свое человеческое достоинство, в свою жизнедеятельность — вот в чем вопрос»¹.

В последующих произведениях Прошяна нашли отражение стихийный ропот крестьянства, растущее чувство протеста. В романе же «Сос и Вартитер» слабо были показаны социальные противоречия. Пользуясь случаем, когда один из героев романа, нищий крестьянин Вайкун ночью, в одиночестве горько жалуется на свою судьбу за то, что у него «у бедного человека взяли больше того, что следует», и что «хозяева» деревни «сами едят, разоряют бедняков», Налбандян спешит прибавить: «Грустно делается, как вспомнишь, что угнетенный земледелец или крестьянин вынужден молчать и протестовать против своих угнетателей только в ночные часы, в одиночестве, когда никто не слышит его протеста...»². Налбандян готов приветствовать в романе малейшие проявления критического отношения к действительности. Он отмечает, как явление положительное, слабо очерченный автором образ Аршама, как «представителя нового времени», в котором критик видит «животворное влияние скептицизма»³. Однако Налбандян не скрывает своего огорчения по поводу того, что здоровое, критическое начало слабо проявилось в романе Прошяна.

В разборе «Сос и Вартитер» Налбандян упоминает «Мертвые души» Гоголя⁴. Он мечтал о появлении «армянского Гоголя», который с такой глубиной и силой мог бы вскрыть темные стороны и пороки современного ему армянского общества, который с такой же беспощадностью бичевал бы все низкое, пошлое, уродливое, выражая «живое стремление к новому, лучшему, разумному порядку вещей»⁵.

Налбандян был соратником и союзником русских революционных демократов и в литературной борьбе. Он положил начало армянской литературной критике, создал основу для победы творческих принципов реализма и народности.

В конце 1850-х — начале 1860-х годов, в атмосфере общего подъема общественного движения в России, в армянской литературе возникает новое реалистическое течение. К этому времени относится начальный период формирования армянской реалистической драматургии. В статьях А. Инджикяна⁶ и В. Терзибашяна⁷ рассматривается вопрос о значении Белинского в становлении реализма в армянской драматургии. Зачинателем пропаганды новых принципов в развитии армянского театра и драматургии явился Налбандян, который в 1859 г. выступил с критикой устарелых, обветшалых норм старого театра, с его псевдокласси-

¹ М. Налбандян, Избранные произведения, стр. 496.

² Там же, стр. 538.

³ Там же, стр. 540.

⁴ Там же, стр. 484.

⁵ Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений, Госполитиздат, М., 1934, т. I, стр. 33.

⁶ А. Инджикян, Белинский в армянской литературе (на армянском яз.). Журнал «Советакан граканутюн ев арвест» («Советская литература и искусство»), Ереван, 1948, № 6, стр. 113—125.

⁷ В. Терзибашян, В. Г. Белинский и армянский театральный реализм 60-х годов (на армянском яз.). Там же, стр. 126—137.

цизмом, ложным пафосом, романтизацией исторического прошлого. Налбандян взял под защиту первые шаги армянского реалистического театра. По примеру московских студентов в Тифлисе группа любителей сцены во главе с молодым драматургом Микаелом Патканяном борется за реалистическую драматургию. Сознательно следуя заветам Белинского, М. Патканян популяризует взгляды русского критика на театр и драматургию. В конце 1859— начале 1860 г. в Тифлисе любительской труппой была осуществлена постановка комедий М. Патканяна, в связи с чем на страницах газеты «Мегу Айастани» («Пчела Армении») разгорелась ожесточенная полемика между автором комедии М. Патканяном и его критиком Акопом Кареняном. Ответы М. Патканяна показывают, что он был прекрасно знаком с содержанием только что вышедшего тогда первого тома полного собрания сочинений Белинского. Защищая свои реалистические позиции, молодой автор опирался на эстетический авторитет Белинского. В своем ответе критику М. Патканян излагает мысли Белинского о значении драматургии и театра из статей «Литературные мечтания» и «Мое мнение об игре г. Каратыгина», приводит цитаты о высоком назначении критики из статьи «О критике и литературных мнениях» Московского наблюдателя, передает в вольном изложении содержание «Журнальной заметки»¹.

Таким образом, первые ссылки на Белинского в армянской печати относятся к началу 1860-х годов. При этом не следует забывать, что после революционных событий 1848 г. в России наступила новая полоса реакции, не только были запрещены сочинения Белинского, но имя его нельзя было упоминать в печати. Н. Г. Чернышевский вынужден был в первых трех «Очерках Гоголевского периода развития русской литературы» зашифровать имя Белинского.

Первый армянский перевод из сочинений Белинского появился в 1861 г. на страницах издававшегося в Тифлисе журнала «Крунк айоц ашхари» («Журавль Армении») в виде двух отрывков напечатанной в 1841 г. статьи «Стихотворения М. Лермонтова»². В марте 1862 г. в этом же журнале был опубликован перевод отрывка из рецензии Белинского «Горе от ума. Сочинение А. С. Грибоедова»³.

«Журавль Армении» был консервативным органом и появление Белинского на его страницах могло быть чистой случайностью. Здесь играл, по-видимому, большую роль переводчик Барсег Атамаян, о котором, к сожалению, сохранилось мало сведений. Помещенные в журнале переводные отрывки были взяты не из одной, а из двух разных рецензий Белинского. Это дает право думать, что переводчик руководствовался определенной целью, что выбор его не являлся случайным. Как можно судить из характера этих отрывков, Атамаян поставил перед собой задачу: ознакомить армянского читателя преимущественно с эстетическими воззрениями Белинского. Все три отрывка, объединенные

¹ Все эти статьи были помещены в первых двух томах Полного собрания сочинений Белинского. М., 1859, т. I, стр. 5—132, 488—501, 505—518; т. II, стр. 71—154.

² «Крунк айоц ашхари», Тифлис, 1861, ноябрь, стр. 819—830; 1861, декабрь, стр. 921—926. Ср. русск. текст: В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, изд. Акад. наук СССР, М., 1951, т. IV, стр. 483—501.

³ «Крунк айоц ашхари», 1862, март, стр. 192—199. Отрывок этот ошибочно считался продолжением первых двух отрывков из рецензии на стихотворение Лермонтова. См. Руст Оганисян, Из истории оценки русской литературы армянской общественной мыслью, Ереван, 1952, стр. 241; А. Инджикян, указ. соч., стр. 115. Ср. русск. текст: В. Г. Белинский, указ. изд., т. III, стр. 434—439.

общим заглавием «О поэзии», относятся к теоретическим высказываниям критика¹.

Теоретические положения Белинского, его высказывания в области эстетики были настоящим откровением для молодой армянской критической мысли.

В 80—90-е годы, в период бурного роста новой армянской литературы, ощущается необходимость возвращения к Белинскому.

В 1883 г. Ованес Назарян издал в Тифлисе «Избранные отрывки» (на армянском языке) — хрестоматию для армянских школ². В ней была представлена, кроме армянской, западно-европейская и русская литература. Наряду с армянскими авторами, в хрестоматию вошли отрывки из произведений Шекспира, Гете, Шиллера, Лессинга, Мольера, Кальдерона, Гюго, Ламартина, Золя, Петефи и др. Из русских писателей: Ломоносов, Крылов, Жуковский, Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Гончаров, С. Аксаков, Григорович. «Избранные отрывки» О. Назаряна выдержали несколько изданий и были одной из распространенных и любимых книг армянского юношества. О. Назарян, кроме «Армянской лиры» Миансаряна (П. 1863), использовал опыт подобного типа французских³ и русских изданий. В частности, он заимствовал много отрывков из хрестоматии Галахова⁴.

Во втором издании хрестоматии О. Назаряна был помещен отрывок «Поэзия» из статьи Белинского о стихотворениях Лермонтова. Этот же отрывок в свое время был напечатан в журнале «Крунк айоц ашхари»⁵.

Однако мысли Белинского навряд ли могли тогда получить широкое звучание, так как «Крунком» пользовался сравнительно ограниченный круг читателей. Теперь, спустя двадцать восемь лет, Назарян вновь обращается к статье Белинского, выбирает отрывок о поэзии, вновь переводит его и помещает в свою хрестоматию, сделав его достоянием юных армянских читателей⁶.

Белинский свою эстетическую теорию строил не на основе мертвых, отвлеченных суждений, а на непосредственном поэтическом восприятии явлений литературы и искусства, с проникновенным пониманием их сущности. Это придает его статьям особую силу воздействия. Они пробуждают в читателе интерес к литературе, развивают в нем эстетический вкус, заставляют полюбить поэзию, наконец понять, какое важное

¹ Атамаян не точно воспроизводит тексты Белинского. Некоторые места он дает в вольном изложении, сокращает стихотворные цитаты и вообще иллюстрации к теоретическим суждениям, оставляя лишь общие выводы.

В конце третьего отрывка переводчиком указано, что «продолжение будет». Однако третий отрывок был последним в журнале. По неизвестным причинам редакция прекратила печатание в журнале переводов из Белинского.

² Тифлис, 1883 (первое изд.). Она так же, как и «Русская хрестоматия» Д. Галахова, состоит из двух частей: I. Проза, II. Поэзия.

³ Назарян ссылается на «Nouvelles Leçons de littérature française» S. Tricot.

⁴ Русская хрестоматия, составил А. Галахов, изд. 18, без перемен, в двух томах, СПб., 1881.

⁵ «Крунк айоц ашхари», 1861, декабрь, стр. 921—926.

⁶ В. Г. Белинский, т. IV, стр. 493—494. Армянский перевод см. «Избранные отрывки» (хрестоматия для армянских школ), изд. 2. Тифлис, 1889, ч. I, стр. 322—332. Этот же отрывок напечатан в третьем издании (Тифлис, 1892, стр. 356—371). В конце текста приводятся краткие биографические сведения о Белинском (стр. 371).

место занимает поэзия, в самом широком смысле этого слова, в жизни человека.

Все это особенно существенно, когда речь идет о нравственном воспитании молодого поколения. А ведь «Избранные отрывки» Назаряна были адресованы прежде всего армянскому юношеству. Однако в 80-е годы не одними юными читателями ограничивалась сфера влияния Белинского. Он оказал самое прямое и непосредственное воздействие и на развитие армянской литературы. Это влияние стало особенно ощутимым именно в 80—90-е годы, когда на литературную арену вступила целая плеяда поэтов и прозаиков, творчество которых окончательно укрепило в армянской литературе позиции реализма и народности.

В начале 1881 г. на страницах газеты «Мегу Айастан» («Пчела Армении») была напечатана критическая статья под псевдонимом «Айкуни»¹ по поводу романа Раффи «Хент». В этом романе автор выступил сторонником русской ориентации, защитником демократических традиций, непримиримым врагом церковников. И не удивительно, что критик из реакционно-клерикальных кругов с гневом обрушился на армянского писателя². Айкуни с еще большим ожесточением выступил против Раффи, когда появился его роман «Кайцер» («Искры») ³. Спустя некоторое время на страницах газеты «Мшак» («Труженик») в ряде номеров был напечатан подробный ответ Раффи⁴. После этого снова выступил Айкуни с новыми претензиями⁵. Так завязалась ожесточенная полемика, которая продолжалась почти целый год.

Социальная подоплека этой полемики с достаточной полнотой вскрыта в статье академика Академии наук Армянской ССР Арташеса Кариняна⁶. Он показал противоположность взглядов и общественных позиций Раффи и его критика.

Айкуни в критике Раффи перекликался с реакционной русской журналистикой. Он пытался искусственно сблизить Раффи с Чернышевским, чтобы привлечь внимание царских властей на «крамольную» деятельность армянского романиста. Айкуни, намекая на трагическую судьбу Чернышевского, с нескрываемым восторгом цитировал статью В. П. Буренина, в которой автор обливал грязью русских революционных демократов.

Таково было политическое содержание этой полемики. Не менее важна ее литературная сторона. Раффи, защищаясь от своего назойливого, невежественного критика, обращается к авторитету Белинского. В своем ответе армянский романист писал: «В заключение считаю нужным заявить, что в общих суждениях в некоторых местах следовал взглядам Белинского»⁷. Раффи сознательно шел за Белинским. Целиком солидаризируясь с его мыслями о высоком назначении критики, он писал: «Для того чтобы быть хорошим критиком, нужно обладать особым талантом. У просвещенных народов часто бывают сотни писателей, но один или два хороших критика. В русской литературе, которая нам более знакома, до сегодняшнего дня, как критики, известны лишь две личности: Белинский и Добролюбов, но поэтов и писателей сравнительно

¹ Под этим псевдонимом писал О. Гегамян (впоследствии священник).

² «Мегу Айастан», 1881, № 183.

³ Там же. № № 31, 37, 39.

⁴ «Мшак», 1883, № № 141—146, 148—150.

⁵ «Мегу Айастан», 1883, № № 104—109, 112—113, 115, 117.

⁶ Арт. Каринян, Раффи и его реакционный критик (на армянском яз.). «Известия АН АрмССР», общественные науки, 1954, № 6, стр. 39—50.

⁷ «Мшак», 1883, № 150, стр. 2.

больше имели русские. По этой причине было бы совершенно ошибочно думать, что писать критику дело каждого более или менее развитого человека. Наряду с талантом у критика должны быть соединены такие способности, такие условия, которые не каждому человеку даны. Помимо того, что критик должен обладать достаточными разносторонними навыками, он должен иметь и такие умственные, душевные качества, которые дарует человеку сама природа и которые невозможно приобрести посредством книг или знаний. Он должен обладать глубоким и благородным чувством, которое должно быть источником его беспристрастия, которое не позволит критику стать жертвой страстей. Он должен иметь благовоспитанный, развитый вкус для понимания, для познания прекрасного. В нем должна быть пламенная любовь к творческому труду (к искусству) и он нисколько не должен предвзято относиться к книге, которую избрал предметом критики. И, самое главное, он должен обладать наблюдательностью, верностью и широтой взглядов, чтобы всесторонне изучать предмет суждения, чтобы его замечания не оказались узкими и односторонними. Обязанность, которую критик берет на себя, — обязанность высокая и тяжелая. Ни от кого не требуется столько любви к правде, к справедливости, как от критика. Его роль — роль судьи...»¹. Этот отрывок не является переводом, Раффи лишь излагает мысли Белинского, дает свое толкование, свое понимание высокой роли критика, общественного значения его деятельности².

Особо важное значение приобретает критика в те ответственные периоды, когда литература переживает процесс бурного роста, когда в атмосфере ожесточенной борьбы нарождается новое. Такой процесс переживала армянская литература в 80—90-х годах прошлого столетия.

Армянским писателям нередко приходилось брать на себя и роль критика. Они вынуждены были выступать в печати с защитой своих творческих принципов, разъяснением идейного содержания произведения.

Спустя почти два десятилетия, в аналогичное с Раффи положение попал один из виднейших представителей армянской реалистической прозы Мурацан. В 1901 г. в издававшемся А. Тарханяном в Тифлисе журнале «Татрон» («Театр») он напечатал свою историческую драму «Рузан»³. Полемика, которая возникла вокруг этой драмы между либеральным публицистом и литератором Лео и Мурацаном, расширила представления армянского читателя о критической деятельности Белинского. Основой для полемики послужило обвинение, выдвинутое критиком против армянского романиста и заключающееся в том, что якобы автор драмы «Рузан» недостаточно осведомлен в исторической эпохе и что он искажил историческую правду. Для Мурацана, стоявшего на последовательно-реалистических позициях, это обвинение было весьма серьезным и он вынужден был выступить в защиту своих творческих принципов. Основная мысль Мурацана заключалась в том, что автор исторической драмы, оставаясь верным духу времени, правдивым в отношении описываемых событий, в то же время должен быть не рабом истории, пассивным описателем, а свободным творцом — художником. При этом Мурацан, для подтверждения верности своих мыслей, обращается к авторитету Белинского: «Говоря о критике Шевырева по поводу одной

¹ «Мшак», 1883, № 141, стр. 1.

² Ср. В. Г. Белинский, т. II, стр. 123—124.

³ «Татрон», 1900, № 1, стр. 3—62.

из исторических драм Кукольника¹, напечатанной в «Московском наблюдателе», и приводя следующие слова Шевырева: «Кажется история сама чертит путь драматику, сама дает главные события и характеры, сама располагает действия», — Белинский восклицает: «Что это такое? Не обманывают ли меня глаза?.. Как! так сама история дает художнику план драматического создания, а ему, художнику, остается только «не исказить ее, быть верным ей, отгадывать кое-что, утаенное временем и летописью?»... Как? так, стало быть, я пишу историческую драму, он пишет, вы пишете, они² пишут — и все мы, как ни много нас, напишем поневоле одно и то же? Где же свобода художника? Что же его вдохновение, его творчество?.. Признаюсь, чудный рецепт писать драмы! Удивляюсь, как после этой статьи г. Шевырева не явилось нескольких дюжины исторических драм!...»³. «Затем, — продолжает Мурацан, — издеваясь над длинными возражениями критика (Шевырева) по этому поводу, Белинский прибавляет: «Мы с своей стороны всегда думали, что поэт не может и не должен быть рабом истории⁴, так же как он не может и не должен быть рабом действительной жизни⁵, потому что, в том и другом случае, он был бы списчиком, копиистом, а не творцом»⁶. Далее Мурацан продолжает цитировать из статьи Белинского, где русский критик подробно излагает свои суждения об исторической драме, говорит о задачах исторического романиста, драматурга. Мысли Белинского подкрепляют выдвинутое в начале ответа Мурацана положение о том, что исторический писатель должен обладать прежде всего «поэтическим вдохновением, яркой фантазией, творческой силой и вместе с тем способностью проникать в глубину человеческой души». Мурацан обвиняет своего критика в том, что он выдвигает по отношению к художественному произведению, к исторической драме требования, которые было бы уместно предъявлять к историческому сочинению. «Я не писал историю, — говорит Мурацан, — а драму, которая, конечно, не история, а художественное произведение»⁷.

В 1898 г. вся передовая общественность России отмечала пятидесятилетнюю годовщину со дня смерти Белинского. Откликнулась на эту дату и армянская печать. Либеральная журналистика ограничилась большей частью краткими биографическими сведениями и обзором основных литературно-критических работ Белинского, предавая забвению значение деятельности великого русского мыслителя в деле пробуждения народного самосознания и его влияние на революционно-освободительное движение.

Исключение составляет статья «Белинский» в консервативной газете «Нор Дар» («Новый восток»), подписанная псевдонимом «Гош». Больше половины статьи было посвящено характеристике драмы Белинского

¹ Речь идет о драме Кукольника «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский».

² Подчеркнуто Белинским.

³ О критике и литературных мнениях «Московского наблюдателя», В. Г. Белинский, т. II, стр. 131—132.

⁴ Подчеркнуто Мурацаном.

⁵ Фраза «так же как он не может и не должен быть рабом действительной жизни» пропущена Мурацаном, по-видимому, случайно.

⁶ «Мурч», 1901, № 7, стр. 258.

⁷ Там же, стр. 256—257.

«Дмитрий Калинин», как произведения, пропитанного антикрепостническим духом¹.

Обширная статья была помещена в журнале «Мурч» («Молот»)². Она была написана, как об этом указано в примечаниях, на основе русских источников: сочинений Белинского (в четырех томах). Тургенева (т. X), Гончарова (т. VIII), «Очерков гоголевского периода русской литературы» Чернышевского, книги Пыпина «Белинский, его жизнь и переписка» (2 т.) и др.

В конце статьи автор подчеркивал значение Белинского и в развитии армянской литературы: «Не только русские,— писал автор,— но и мы (армяне) премного обязаны ему»³.

В передовой статье в либеральной газете «Мшак» («Труженик»), принадлежащей Ал. Калантару, отмечалась неувядаемая сила сочинений Белинского, которые «никогда не устареют и будут всегда занимать почетное место в русской литературе».

В той же газете была помещена статья О. Спендиаряна, эпиграфом к которой были поставлены слова Некрасова:

Молясь твоей многострадальной тени,
Учитель! перед именем твоим
Позволь смиренно преклонить колени...

О. Спендиарян приводит известные слова Добролюбова о значении Белинского и заключает: «Если б Добролюбов жил долго, то он несомненно заметил бы и в современной жизни и литературе влияние проповедуемых Белинским бессмертных принципов». Хотя Спендиарян и признает, что для глубокого понимания Белинского необходимо иметь в виду и те общественные условия, в которых протекала «многострадальная жизнь и деятельность этого великого человека», тем не менее, он несколько не останавливается на характеристике эпохи 40-х годов, ограничившись лишь изложением кратких биографических сведений⁴. Автор говорил о том, что Белинский своей деятельностью составил целую эпоху о «внутренней нравственной силе», которая таится в его статьях. «Прошло целых полвека после смерти гениального писателя,— писал Спендиарян. — Исчезли из жизни его современники⁵ и вместе с ними умолкли голоса вражды, язык зависти и зла. От всемогущей и уничтожающей силы времени осталось неприкосновенным достойное бессмертия имя:

Ты нас гуманно мыслить научил,
Едва ль не первый вспомнил о народе,
Едва ль не первый ты заговорил
О равенстве, о братстве, о свободе...»⁶

Заклучив свою статью словами Некрасова, автор подчеркнул несомненное влияние Белинского и на развитие передовой армянской общественной мысли.

Можно с уверенностью утверждать, что ни один из теоретиков искусства, литературных критиков не имел такого сильного влияния на

¹ „Нор Дар“, 1898, май 27, № 90.

² „Мурч“, 1893, № 6, стр. 801—812; № 7—8, стр. 1073—1093; № 9, стр. 1228—1238.

³ „Мурч“, 1898, № 9, стр. 1238.

⁴ „Мшак“, 1898, № 88.

⁵ Автор имеет в виду идейных врагов Белинского.

⁶ „Мшак“, 1898, № 89.

Туманяна, как Белинский. В будущем, когда выявятся дополнительные материалы, окажется возможным проследить сложный процесс формирования мировоззрения и литературно-эстетических взглядов Туманяна и определить место Белинского в этом процессе. И теперь, когда нам известно уже многое, имеется достаточно оснований для того, чтобы установить факт постоянного обращения армянского писателя на разных этапах его идейно-творческого развития к Белинскому, как к бесспорному авторитету.

Впервые Туманян познакомился с сочинениями Белинского, по-видимому, в конце 80-х годов, когда он еще учился в семинарии Нерсисян. В 1953 г. в армянской печати появились сведения о записной книжке Туманяна за 1891 год. В ней не только встречаются имена Белинского и Добролюбова, но и содержатся беглые заметки по поводу отдельных теоретических положений Белинского, выписки из сочинений русского критика¹. Они позволяют думать, что в начале 90-х годов армянский поэт занялся изучением Белинского. Туманян записывает мысли Белинского о содержании в произведениях поэзии: «Содержание есть мирозерцание поэта»², «Поэту принадлежит форма, а содержание — истории и действительности его народа»³, и, наконец, «Поэзия, полная содержанием, всегда развивается, идет вперед; поэзия, чуждая всякого содержания, всегда стоит на одном месте, поет одно и то же, одним и тем же голосом. Вначале она может возбуждать фурор; но когда к ней привыкнут, ее уже не читают, а только безусловно хвалят...»⁴.

Эти мысли не могли не волновать Туманяна, который в начале 90-х годов вступил в новую стадию творческих исканий, был поглощен идеей создания произведений из народной жизни и его глубоко волновал вопрос о соотношении между содержанием и поэтической формой.

Туманяна заинтересовало также определение Белинским вдохновения как источника поэтического творчества, как «состояние духовного ясновидения».

В 1896 г. Туманян, после того как им был осуществлен перевод «Мцыри», намеревался переводить статьи Белинского о Лермонтове⁵.

Летом 1904 г., в самом расцвете творческих сил, Туманян снова возвратился к изучению Белинского. В письме к Ф. Вартазаряну он с восторгом говорил о статьях русского критика и отмечал близкие, родственные черты в жизни различных народов⁶.

В 1904 г. литератор и публицист Ф. Вартазарян, работая над очерком о творчестве Туманяна, в письмах к поэту делился своими мыслями и просил его высказать по ряду вопросов свое мнение. Отвечая критику, Туманян писал: «Вообще ты своего поэта определил и понял совершенно правильно: он певец горя своего народа, поэт скорби и печали. У этой скорби и печали различные источники, но все они проистекают из одного и возвращаются к одному — это наша армянская жизнь, армянская страна. Может быть, в этом и главное мое достоинство. Если это так, это действительно великое дело. Белинский говорит: величие

¹ *Н. Туманян*, Страница из литературного наследия Туманяна (на армянском яз.). «Гракс Терг» («Литературная газета»), 1953, 28 февраля, № 8 (688).

² *В. Г. Белинский*, т. V, стр. 552.

³ Там же, стр. 558.

⁴ Там же, стр. 561.

⁵ *Ов. Туманян*, Собр. сочинений (на армянском яз.), т. V—Письма, 1885—1922, Айпетрат, Ереван, 1945, стр. 282.

⁶ «Гракс Терг», 1953, 28, февраля, № 8 (688).

поэта — в его народности. Поэт, прежде всего, должен быть сердцем своего народа...»¹.

В 1909 г. некто Р. Дрампян, обнаружив в сказках Туманяна родственные черты с народными мотивами, обвинил армянского поэта в плагиате. Тогда Туманян вынужден был терпеливо разъяснять невежественному критику, что «сказки сочиняют не люди литературы, а их заимствуют у народа и рассказывают, что и вся мудрость заключается в том, чтобы знать, что изменить, что выбросить, что сохранить, каким языком и стилем рассказать, чтобы получилось и красиво, и в то же время не потерялось непосредственное обаяние и благоухание народного образца»².

Спустя несколько лет после выступления Дрампяна, с аналогичными обвинениями по адресу Туманяна выступил другой критик. Отвечая своим критикам, разъясняя вновь свою точку зрения на проблему соотношения литературы и фольклора, Туманян обратился к Белинскому. Он напомнил читателям о полемике, разгоревшейся в 20-х годах прошлого века в русской периодической печати в связи с появлением сказочной поэмы Пушкина «Руслан и Людмила». Он напомнил, как тогда критика, в лице Каченовского, выступила с обвинениями по адресу Пушкина, видя в его поэме недопустимое использование русского сказочного элемента, «пародирование» русских сказочных мотивов. Вслед за изложением содержания всей этой литературной полемики, Туманян говорит, что потом все это выяснилось и справедливость восторжествовала, и пушкинская сказочная поэма заняла свое достойное место. «Однако,— пишет Туманян,— для этого нужно было, чтобы появился Белинский, чтобы каждому указал свое место»³.

Таким образом, на протяжении почти всей своей деятельности Туманян неоднократно обращался к Белинскому. Его сочинения были в числе любимых книг армянского поэта, к которым он часто обращался, где он искал ответа на многие волнующие его вопросы. Статьи Белинского находили живой отклик в сознании Туманяна, будили его мысль, помогали в выработке правильного взгляда на русскую литературу, в освоении ее богатств, направляли его творчество по пути реализма и народности. Литературно-эстетические воззрения армянского поэта сложились под непосредственным влиянием Белинского.

Белинский, а вслед за ним Чернышевский и Добролюбов занимают особо важное место в духовном развитии не только армянских писателей, но и политических деятелей.

Революционно-демократическое мировоззрение Налбандяна формировалось под влиянием передовой русской общественной мысли, под влиянием Белинского, Герцена, Чернышевского. Выдающийся деятель коммунистической партии, верный ученик и соратник Ленина — С. Г. Шаумян, в юные годы, когда он учился в Тифлисском реальном училище и впервые читал статьи Белинского, писал о силе воздействия поэзии на человека, об ее огромной роли в нравственном воспитании человека⁴.

В 1902 году, в речи, посвященной сорокалетию юбилею литературно-педагогической деятельности Агаяна, Шаумян говорил о месте и значении Белинского в освободительном движении, как Белинский и его

¹ Ов. Туманян, Избр. произв., Айпетрат, 1970, стр. 434.

² Туманян—критик (на армянском яз.), Айпетрат, Ереван, 1939, стр. 125.

³ Туманян—критик, стр. 265.

⁴ Степан Шаумян, О литературе (на армянском яз.), Айпетрат, Ереван, 1947, стр. 184—185.

друзья «наносили удары по крепостническим порядкам и внедряли идеи свободы»¹.

В статье, посвященной памяти Сурена Спандаряна, Шаумян упоминает в числе его «духовных отцов» первыми имена Белинского и Чернышевского². Он борется против псевдомарксистов, против всех тех, кто спекулирует марксизмом, борется за чистоту революционной теории. «И нужно ударить по ним, преследовать их не только потому, — говорит Шаумян, — что они спекулируют этим великим учением, пачкают его, но и во имя чистоты литературных нравов вообще, во имя священных литературных заветов Белинского, Чернышевского. Литература — это храм, куда можно входить лишь с чистой совестью и благородными устремлениями. Когда же люди подходят к этому храму с мелкими, тщеславными вождениями, с корыстными целями и обманными намерениями, — это величайшее преступление, совершаемое против народа»³.

Для армянского революционера Белинский и Чернышевский были высокими образцами благородного и самоотверженного служения народу.

На протяжении XIX и начала XX вв. роль Белинского в развитии армянской литературы и общественной мысли была значительна. Его произведения, проникая в армянскую печать, способствовали распространению революционно-демократических идей. Многим обязана великому русскому критику армянская литература и эстетическая мысль. Для лучших ее представителей сочинения Белинского были сокровищницей идей гуманизма и народности. Передовые писатели Армении видели в Белинском своего союзника в борьбе с реакцией.

Վ. Գ. ԲԵԼԻՆՍԿԻՆ ԶԱՅ ԿՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ

Կ. Ն. ԳՐԻԳՈՐՅԱՆ (ԼԵՆԻՆԳՐԱԴ)

(Ա Մ Փ Ո Փ Ո Ւ Մ)

Որոշ հանձարեղ քննադատ Վ. Գ. Բելինսկու ստեղծագործությունը նշանակալից ազդեցություն է ունեցել հայ գրականության և հասարակական մտքի զարգացման վրա: Թափանցելով հայ մամուլի էջերը, նրա երկերը մեծապես նպաստել են ուղղուցիտ-դեմոկրատական գաղափարների տարածմանը հայ գրականության մեջ: Առաջադեմ հայ գրողները և քննադատները հանձին ունենում էին քննադատի տեսել և իրենց ուսուցչին և հավատարիմ դաշնակցին այն համառ պայքարում, որ մղել են խավարի, տգիտության, հետադիմության դեմ:

Շնորհիվ վերջին տասնամյակներում կատարված նոր ուսումնասիրությունների, մեր պատկերացումը XIX դարի 30—40-ական թվականների հայ գրական շարժման և ուսանական գրականության հետ նրա կապերի մասին Գործատացել է նոր հետաքրքիր տվյալներով: Հայտնաբերված փաստերը վկայում են, որ Մոսկվայում սովորող հայ երիտասարդները սերտ շփում են ունեցել Բելինսկու հետ և իրենց հոգվածներում զարգացրել են նրա տեսակետները:

¹ Степан Шаумян, О литературе (на армянском яз.), Айпетрат, Ереван, 1947, стр. 145.

² Там же, стр. 156.

³ Ст. Шаумян, О литературе, стр. 130.

Բելինսկու գաղափարների ազդեցությունը հայ գրականության վրա ավելի զգալի է դառնում 50—60-ական թվականներին, երբ հայ դեմոկրատական շարժման գլուխ է անցնում ռուսական ռևոլյուցիոն դեմոկրատների համախոհ և ղինակից Մ. Նալբանդյանը:

Հայ ականավոր գրողներ Բաֆֆին, Մուրացանը, Թումանյանը ուսումնասիրել են Բելինսկուն և արձագանքել նրա արժարժած գաղափարներին: Բաֆֆին, բանակոխվ մղելով իր դրական հակառակորդների դեմ, հայտարարում է, որ առանձին հարցերում հետևել է Բելինսկու հայացքներին: Մուրացանը նույնպես դիմում է Բելինսկու հեղինակությանը և մեջբերումներ անում նրա երկերից: Մեծ սիրով է խոսել Բելինսկու մասին Հովհաննես Թումանյանը:

Բելինսկին, և ապա Չերնիշևսկին ու Դոբրոլյուբովը խոշոր ազդեցություն են ունեցել ոչ միայն հայ գրողների, այլև հայ քաղաքական-հասարակական գործիչների վրա: